

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Х99

Mark Haddon
THE RED HOUSE

Copyright © Mark Haddon, 2012.

This edition is published by arrangement with Aitken Alexander Associates Ltd. and The Van Lear Agency LLC.

Перевод с английского *Алины Сафроновой*

Художественное оформление *Андрея Старикова*

Хэддон, Марк.

Х99 **Красный дом / Марк Хэддон ; [пер. с англ. А. Сафроновой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Интеллектуальный бестселлер).**

ISBN 978-5-04-103683-6

Две семьи. Семь дней. Один дом.

Анжела и ее брат Ричард почти 20 лет избегали друг друга. Теперь, после смерти матери, они везут свои семьи на отдых в ненадолго снятый дом на границе с Уэльсом. Четверо взрослых и четверо детей. Посиделки у костра, совместные ужины, карточные игры. Но за этим мирным фасадом начинают появляться призраки прошлого. Родители, любовники, друзья, враги — все оказываются вовсе не теми, кем казались.

Марку Хэддону вновь удалось написать смешной, пронзительный и полный жизни роман.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Сафронова А., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ISBN 978-5-04-103683-6 ООО «Издательство «Эксмо», 2019

*Посвящается Клэр
с благодарностью Мэри Гаун-Кейн*

Пятница

Градирни и поля орошения. Финсток, Чарлбери, Аскотт-андер-Уайчвуд. Поезд рассекает поля на скорости семьдесят миль в час. Две серые линии следуют изгибам реки, металл блестит на солнце. Даже сейчас в этом есть что-то от эпохи паровых машин. Хогвартс и Эдлстроп¹; ночная почта пересекает границу; с гор скачут индейцы; из товарного вагона доносится сельский блюз. Начинаешь верить в таинственные места, через которые по временной спирали можно вернуться в мир портье в униформе, двоюродных тетушек и летнего отдыха у озер.

Прислонившись к холодному стеклу, Анжела зачарованно наблюдала, как линии электропередачи то прогибались, то вновь взмывали к опорам. За окном проплывали похожие на серебристые матрасы теплицы и неразборчивые извивы граффити на кирпичных стенах.

Шесть недель назад она похоронила мать. Бородач в пиджаке с лоснящимися локтями играл на волынке «Мальчик Дэнни»². Всеобщее смятение, повязка на руке священника, женщина, бегущая между мо-

¹Одноименное стихотворение английского поэта Эдварда Томаса о путешествии поездом в английский городок Эдлстроп. — *Здесь и далее прим. перев.*

²Баллада, написанная в 1910 году английским юристом Фредериком Везерли. Ее нередко играют на похоронах.

гилами за улетевшей шляпкой, ничейный пес... Анжеле казалось, что мать уже давным-давно покинула этот мир, еженедельно возвращаясь в тело лишь для успокоения навещавшей ее дочери. Вареная баранина, радио «Классика», бежевый пластиковый стульчак — смерть, наверное, стала для нее избавлением. Когда первая порция земли упала на гроб, у Анжелы перехватило дыхание от внезапной мысли, что мать была для нее чем-то наподобие... краеугольного камня? Дамбы?

Через неделю после похорон Доминик в кухне мыл зеленую вазу бутылочным ершиком. В окне виднелась кучка рыхлого снега у гаражной стены и трепещущая на ветру ротационная бельевая веревка. Вошла Анжела с телефоном. Вид у нее был такой, будто на столике прихожей она обнаружила не телефон, а нечто непонятное.

— Звонил Ричард.

Доминик перевернул вазу кверху дном и поставил на металлическую сушилку.

— И что он хочет?

— Приглашает провести с ним отпуск.

— Это точно твой брат, а не какой-нибудь другой Ричард? — вытирая руки полотенцем, усомнился Доминик.

— Точно.

Доминик не знал, что и сказать. Последние пятнадцать лет Анжела и Ричард виделись от силы раз в год, и встреча на похоронах прекрасно укладывалась в этот график.

— И в какое же экзотическое место он нас приглашает?

— Он снял дом на границе с Уэльсом. Недалеко от Хэй-он-Уай.

— Чудесные песчаные пляжи Херефордшира... — Доминик сложил полотенце пополам и повесил на батарею.

— Я согласилась.

— Что ж, спасибо, что посоветовалась со мной.

Помолчав, Анжела пристально посмотрела ему в глаза.

— Ричард знает, что мы не можем позволить себе отпуск. Мне это нравится не больше, чем тебе, но выбирать не приходится.

Доминик примирительно поднял руки.

— Ясно. Что ж, Херефордшир так Херефордшир.

«Британское картографическое управление, квадрат 161. Черные горы (И-Миниддоедд-Дуон)». Доминик открыл розовую обложку путеводителя и разложил гармошку карты. Он с детства обожал карты. Крестиком обозначались чудовища, края бумаги темнели и обугливались от огня спички, сообщения летели от горы к горе при помощи треугольников сломанного зеркала...

Доминик искоса глянул на Анжелу. Она больше ничем не напоминала ту девушку в синем летнем платье, с которой он когда-то познакомился в баре. Грузная и обрюзгшая, с выпирающими на ногах венами, она выглядела старухой и внушала ему отвращение. Он мечтал, чтобы она скоростижно скончалась, вернув ему свободу, которую он утратил двадцать лет назад. Через пять минут он вновь подумал об этом и вспомнил, как плохо распорядился своей свободой в первый раз. Он словно наяву услышал скрип колес каталки и увидел мягкие пакеты с физраствором. Вот что ждет его в будущем. А все эти другие жизни... Их никогда не прожить.

В окне поезда показался канал и узкая баржа. За ее штурвалом стоял какой-то придурак с трубкой и

кружкой чая. Привет, приятель. Дурацкая затея — проводить выходные, стучаясь головой каждый раз при вставании. А если бы ему пришлось прожить неделю на лодке с Ричардом? Слава богу, там глухие места: если станет совсем невмоготу, можно будет подняться в горы и прокричаться. Откровенно говоря, он больше волновался за Анжелу. Ох уж эти жестко запрограммированные семейные конфликты. «Не приходи домой пьяным!» и прочее в этом роде.

Волосы Ричарда — вот в чем причина. Густая черная грива — предупреждение всем бета-самцам, словно клыки моржа. Еще она похожа на некую внеземную форму жизни, которая обманом проникла в его череп и теперь использует Ричарда в качестве средства передвижения.

Дети сидели напротив них. Семнадцатилетний Алекс читал «Главные силы» Энди Макнаба, шестнадцатилетняя Дейзи — «Молитвы на каждый день». Восемилетний Бенджи скорчился на сиденье, закинув ноги на подголовник и свесив голову. Глаза его были закрыты. Анжела пихнула сына в плечо носком туфли.

— Что ты делаешь?

— Скачу на лошади, преследуя нацистов-зомби!

Дети казались отпрысками разных семей. Мускулистый и высокий Алекс каждые выходные выбирался на природу, катался на лодке и горном велосипеде. Бенджи был подвижным, будто ртуть — казалось, в какую емкость его ни сунь, он примет ее форму. Дейзи же... Анжела опасалась, что в прошлом году с дочерью случилось что-то ужасное, отчего она стала вести себя с вызывающим смирением и показной простотой.

Поезд нырнул в туннель, окна глухо задрожали. С темного стекла на Анжелу глянула тучная пожи-

лая женщина. Глянула — и тут же растворилась во вспышке солнечного света и тополиной зелени. Анжела вновь очутилась в своем теле. Платье туго натянулось на животе, по шее тек пот, а в нос бил жуткий запах, присущий поездам: гарь, пыль, горячий металл, едкая туалетная вонь.

«Картер носком ботинка подцепил мужчину за плечо и перевернул лицом вверх. Не может быть! Он убил Банни О'Нила! Десять лет назад они вместе тренировались в горах Кернгорма. Почему этот бывший капитан специальной авиадесантной службы, вооруженный купленной на черном рынке советской винтовкой, пытался убить в Афганистане миллиардера — директора международной строительной компании?..» — читал Алекс.

В проходе кондуктор — бритоголовый детина с голубой расплывчатой татуировкой на мясистом предплечье — навис над по-птичьи хрупкой женщиной с длинными седыми волосами и очками на красном шнурке.

— Так вы сели в поезд без билета и денег?

Анжеле тут же захотелось заплатить за женщину, чтобы спасти ее от этого агрессора.

Женщина беспомощно пошевелила в воздухе тонкими, усеянными старческими пятнами руками.

— Я не могу...

— Вас кто-нибудь встречает в Херефорде? — с неожиданной теплотой спросил кондуктор и бережно тронул ее за плечо в попытке привлечь внимание. — Сын или, может, дочь?

Женщина перебирала пальцами в воздухе.

— Я не вполне...

У Анжелы защипало глаза, и она отвернулась.

Шесть месяцев назад Ричард повторно женился, получив в довесок приемную дочь. Анжела не приехала на свадьбу: Эдинбург далеко, да и учебный год в самом разгаре. К тому же они никогда не были близки так, как подобает брату и сестре. Просто два человека раз в несколько недель обсуждали по телефону угасание матери. Анжела познакомилась с Луизой и Мелиссой только на похоронах. Они выглядели так, будто их по заоблачной цене приобрели по эксклюзивному каталогу: безупречная кожа и одинаковые черные дорогие сапоги. Девочка — ее звали Мелисса — уставилась на Анжелу и, встретившись с ней глазами, не отвела взгляд. Каштановое каре, черная джинсовая юбка на грани приличной для похорон длины. Слишком роскошна и насмешлива для шестнадцатилетки. Позже выяснилось, что Мелисса ставит в школе пьесу «Сон в летнюю ночь».

Луиза неуловимо напоминала жену футболиста. Анжела не могла представить ее в театре или за чтением серьезной книги. Интересно, о чем они с Ричардом разговаривают наедине? Впрочем, брат никогда толком не мог правильно оценивать людей. Десять лет он был женат на рыжей ведьме и промахнулся с подарками, которые привез племянникам в прошлый раз. Бенджи достался футбольный ежегодник, а Дейзи — браслет. Может, Ричард вновь совершил ту же ошибку, что и в тот раз, хотя Луиза не похожа на Дженнифер, да и сам Ричард поднялся по социальной лестнице.

— Я иду в туалет. — Бенджи встал. — Мой мочевой пузырь переполнен.

— Не заблудись! — Анжела тронула его за руку.

— Как можно заблудиться в поезде?

— Тебя может задушить какой-нибудь больной извращенец, — сказал Алекс. — И выкинуть твоё тело из окна.

— Я стукну его в промежность!
— В промежность, — поправил Алекс.
— Промежность, промежность, промесность... —
напевал Бенджи, идя по проходу.

«Постепенно мы обнаружили, что нам больше не нужна тишина. Не нужно уединение. Не нужны даже слова. Мы могли все делать священнодействуя. Приготовление еды для семьи становилось богослужением. Прогулка в парке становилась богослужением...» — читала Дейзи.

Алекс сфотографировал коровье стадо. Какой эволюционный смысл в том, чтобы иметь черную или белую кожу? Он ненавидел насилие. В ушах до сих пор стоял хруст ноги Каллума, сломанной той ночью в лондонском Крауч-Энд. Он никому не говорил, что его тошнит от видеоматериалов о войнах в Ираке или Афганистане. Правда, в фильме «Буря в пустыне», снятом по книге Энди Макнаба, сцены насилия были смягчены.

Мысли перескочили на Мелиссу. Представилось, как она расстегивает свою черную джинсовую юбку. От слова «расстегивает» у него началась эрекция, и Алекс прикрыл пах книгой. Нормально ли это — влюбиться в приемную дочь дяди? Некоторые женились на кузинах, и это считалось приемлемым. Вот только если у обоих супругов были рецессивные гены какого-нибудь заболевания, дети рождались больными.

До чего же сексуальны девчонки из частных школ! Белые трусики на загорелом теле, источающие запах кондиционера для белья... Может, она и вовсе не захочет с ним разговаривать, ведь девчонки общаются лишь с патлатыми засранцами, которые носят джинсы в обликпу. С другой стороны, в отпуске полагается

отдыхать; вдруг они окажутся в одной ванной комнате, он откроет дверцу душевой и потискает мыльные грудки Мелиссы так, что она застонет...

* * *

Мужчина заперт в душевной квартире над верфью заботой о жене, которая умрет в этой кровати, глядя телевизор. Сестры-близняшки, разлученные в возрасте семи недель, ничего не знают друг о друге, лишь ощущают пустоту рядом. Девочку насилует друг матери. Ребенок умирает и не умирает. «Семья» — размытое понятие, путеводная звезда для любого дрейфующего корабля, но каждый плывет под своим небом...

* * *

У нее есть еще один ребенок — четвертый, которого никто не видел. Карен, ее любимый тайный призрак, родившийся мертвым несколько лет назад. Голопрозэнцефалия. Гомеозисные гены не смогли разделить мозг на два полушария. Ее маленькое чудовище, черты лица которого сошлись слишком близко. Анжеле говорили не смотреть, но она посмотрела — и закричала, требуя унести «это».

Позже, в то недолгое время, пока Доминик спал и в палате было тихо, она жаждала вновь ощутить в руках маленькое, изуродованное тельце дочери. Она смогла бы полюбить ее. Смогла бы... но их пути уже разошлись, и Карен ускользнула в параллельный мир, который Анжела порой мельком видела из окон автомобилей и трамваев. Мир с покрытыми паутиной сараями и цыганским табором, с тупиками и автосвалками; мир, который она посещала во сне, где, спотыкаясь, пробиралась между собачьим дерьмом и

крапивой, где в душном, вязком воздухе маняще звенел девичий голосок и мелькало летнее платье. В этот четверг Карен исполнилось бы восемнадцать... Беда сельской местности в том, что здесь ничто не отвлекает от тяжких дум, за это Анжела и ненавидит ее. «Тебе там понравится, — говорил Доминик. — По ночам местные жители наверняка окружают дом с вилами и факелами». Он не понимал, совсем ничего не понимал все эти дни.

Доминик смахнул хлебные крошки с губ и посмотрел на Дейзи. Та улыбнулась и вновь перевела взгляд на книгу. В последние несколько дней она стала спокойней, больше не рыдала внезапно, как в прошлом году. Тогда он чувствовал себя неуклюжим и бесполезным. Разумеется, все эти книжонки об Иисусе полная ерунда, а от некоторых священников мурашки по коже бегут. Эти их дурацкие одежды и фальшивая жизнерадостность... Однако Доминик до странности гордился силой веры Дейзи и тем, как она упорно плыла против течения. Если бы только ее настоящие друзья не отшатнулись от нее!

Он перевел взгляд на старшего сына. Алекс не посмотрит на тебя, сколько на него ни пялься. Если уж он сел за книгу, то будет всецело поглощен чтением. Если уж побежал, то полностью отдается бегу. Доминик ожидал от сына большего. А что получил? С двух до четырех лет — эдипов комплекс: «Не обнимай маму!» С семи до десяти лет — золотое время: они прятали в сейф выпавшие молочные зубы и карточки с покемонами, ходили в поход в Нью-Форест, а однажды пони ухитрился открыть их палатку и съесть печенье. Доминик учил Алекса играть на пианино одним пальцем левой руки музыкальные композиции из фильмов. «Звездные войны», «Индиана Джонс. В поисках утраченного ковчега». Но вскоре Алексу наску-